

ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВНЫХ ПРИНЦИПОВ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ БЕЛОРУСОВ В ПЕРИОД ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

Как полагает ряд исследователей, объединение в единое государство — Великое Княжество Литовское (далее — ВКЛ) было объективно обусловлено интересами всех народов, участвовавших в его создании — необходимостью противостоять набегам германцев с запада и татаро-монгольской орды с востока [1].

На протяжении всего периода своего существования ВКЛ представляло собой конгломерат различных этнокультурных групп, что поощрялось или, во всяком случае, не преследовалось властью. Важным фактором, способствующим полиэтничности и поликультурности населения ВКЛ, были города, куда приезжало огромное количество представителей разных культур и вероисповеданий. Известно, что в период массовых гонений на религиозной почве, охвативших Европу, территории современной Беларуси стали местом спасения для представителей разных конфессий [2, с. 50]. Экономическое процветание ВКЛ дополнительно побуждало к миграции на его земли тех, кто хотел улучшить своё материальное положение: так, в период княжения Гедымина в ВКЛ селились немцы, в основном те, которые владели ремесленными профессиями (до 50 тысяч человек). В XVI веке их количество достигло примерно 200 тысяч [3, с. 132]. От 2 до 10% общего количества городского населения составляли евреи, спасающиеся от этнических преследований [4, с. 50]. С XV века на белорусских землях появляются цыгане (из Польши, Венгрии, Германии). В целом Ф. Энгельс правомерно утверждал, что ВКЛ «заселено огромным количеством разных рас» [5, с. 158], подразумевая под последним не столько «расово» разнообразный состав, сколько этнокультурную пестроту групп.

Этнокультурная неоднородность ВКЛ проявляется в летописных названиях этого государственного образования: «Великое Княжество Литовское и Русское», «Великое Княжество Литовское, Русское, Жемойтское», «Великое Княжество Литовское, Жмудское и Русское». Данный факт свидетельствует о ставке правящей элиты на взаимодействие народов, входящих в состав ВКЛ: в отличие от универсалистских тенденций Киевской Руси, мы наблюдаем здесь осознанное выделение отдельных княжеств, что является пусть косвенным, но отчётливым свидетельством тенденций формирования мультикультурной идентичности.

Важно и то, что на протяжении существования ВКЛ власть его центральных органов над периферией имела существенные ограничения (в самоуправлении и создании местных органов власти, системы налогообложения, юридических норм, регулирующих торговлю и ремёсла, собственной системы судопроизводства и т. д.), на что в своё время обратил внимание С. Щербаков, называя ВКЛ «конгломератом феодальных княжеств и владений, объединённых под властью великого князя» [6, с. 161]. Добавим: мы убеждены, что именно отсутствие тотального контроля центральной власти по отношению к периферии является одним из факторов свободного развития последней и сохранения самобытных традиций их представителей и культурной идентичности.

Поскольку у большинства народов на территории ВКЛ не было своей письменности, при князе Ольгерде общегосударственным становится старобелорусский язык. Большую роль в этом сыграл и количественный перевес жителей территорий нынешней Беларуси над остальными народностями ВКЛ. Впрочем, необходимость в знании старобелорусского языка литовцами, евреями, татарами, украинцами, цыганами, немцами и т. д., которые проживали на землях ВКЛ, диктовалась не только тем, что он являлся в тот период официально-государственным, но и повсеместным его употреблением представителями культурных групп при бытовых контактах. При этом внутригрупповые коммуникации определялись собственными языками, благодаря чему не происходило языковой ассимиляции групп: напротив, можно говорить о взаимобмене языковыми средствами (что стало, например, причиной проникновения в белорусский язык большого количества слов и выражений из других языков: например, «араты», «гантаваць», «дойлід», «клуня», «куль», «кумпяк», «лайдак», «пастка», «швагер», «шула»). Можно предположить, что наличие единого государственного языка при бытовании локальных языков и диалектов способствовало и объединению всех этнокультурных групп (надлокальный «мы-образ» граждан ВКЛ) и, одновременно, сохранению автохтонной языковой среды каждой из них (локальный «мы-образ» представителей нетитульной этнокультурной группы).

Однако свидетельств билингвизма и взаимозаимствований недостаточно для того, чтобы говорить о мультикультурной идентичности. Мы полагаем, что это предполагает циркуляцию не просто языков культуры (и в том числе естественных языков), но и текстов культуры — на тот момент главным образом религиозных. Можно свидетельствовать, что и эта тенденция в ВКЛ была реализована (пусть и в ограниченном, в силу неграмотности большинства её жителей, смысле). Приведём два примера. Известно, что с конца XIV века на территории ВКЛ начали селиться татары. В среду татар белорусский язык проник как средство коммуникативных контактов с коренным населением. Хотя между собой

татары разговаривали на родном языке [7, с. 83], с середины XVI века они начали переводить на белорусский язык свои религиозные книги (аль-китабы, макры, тесфиры). Существует также аргументированное мнение, что был переведён и полный текст Корана [8, с. 19]. Вышеизложенное даёт основания говорить о существовании у татар ВКЛ не только билингвизма, но и — шире — бикультурализма в языковой и в конфессиональной сферах. Это соответствует представлению о мультикультурной идентичности, первоначально включающей языковые и религиозные сферы, а также практики повседневных межкультурных контактов: например, межэтнические браки (в частности, татар с женщинами — представительницами титульного этноса). Подобная ситуация (за исключением семейно-брачного аспекта) характерна и для евреев на территории Беларуси. Хотя они в большей мере, чем татары, придерживались своих духовных традиций, родного языка, обрядовости и т. д., но именно ими были сделаны самые ранние переводы на белорусский язык церковно-религиозных книг (XV век) [9, с. 18]. Вкупе эти факторы образовывали значимую, на наш взгляд, черту культуры ВКЛ — коммуникативную толерантность и связанную с ней межкультурную компетентность.

Пользуясь вышеизложенным, можно сделать промежуточный вывод о том, что групповой билингвизм, взаимообмен религиозными текстами, а также аспект повседневных контактов способствовали формированию мультикультурной идентичности.

Постоянное совместное проживание различных культурных групп в составе ВКЛ способствовало не только языковому сближению и религиозной толерантности, но и культурным контактам в широком смысле слова. Отметим, что процессы взаимообогащения преимущественно происходили в добровольной форме. И если в целом история ВКЛ предоставляет множество примеров борьбы за политическую власть между князьями и магнатами, то отношениям групп между собой и их взаимодействиям с титульным населением был присущ мирный характер и низкий порог конфликтности. По этой причине мы, пусть и с определённой степенью условности, можем говорить о проявлении спонтанной формы мультикультурной идентичности в этот период.

Более того, мы убеждены, что данные установки постепенно начинали вырабатываться и на уровне государства. Мы уже писали о тенденции к поликультурности, выразившейся в названии княжества, а значит, явившейся фактом политической культуры ВКЛ. Кроме того, известно, что в Статутах ВКЛ была юридически закреплена веротерпимость и свобода вероисповедания. Так, государственными властями разрешалось создавать религиозные общины и строить церкви, костёлы, кирхи, синагоги, мечети. Например, сооружённая на Сморгонщине в деревне Давбучишки мечеть (упоминается в литовской метрике под 1558 годом) относится к одной из самых древних в Европе. Одновременно Статуты ВКЛ способствовали сплочению народов в понимании их принадлежности к единому государству (главным образом, в контексте подчинения всех единому закону, регулируемому их взаимодействием) [10]. Мы полагаем, что это содействовало развитию единого мультикультурного «мы-образа».

Как отмечает А. К. Киркор, на всех уровнях культуры «не было религиозной борьбы, не было фанатических преследований, и люди жили мирно, дружно, свободно исповедуя свои веры и обряды» [11, с. 148].

Таким образом, в целом ВКЛ представляло собой поликультурное образование на федеративной основе, где изначально делался акцент на отсутствие дискриминации «чужих», т. е. на существование равноправных групп-контактёров. Например, в выборах представителей местного самоуправления участвовали все жители местности вне зависимости от их этнической принадлежности [12]. Единственным условием, при котором возможно было быть полноправным горожанином, находиться под защитой городского самоуправления, пользоваться привилегиями, которые предоставлялись городу, состоять в цехе, а значит, иметь право заниматься ремеслом, вести торговлю на городском рынке, было обладание определённой недвижимостью. Обязательным минимумом являлся собственный дом, или, как тогда говорили, «оселость свою мети» [13]. Таким образом, в том случае, если представитель нетитульной группы оседло жил в том или ином городе или местечке, то автоматически обладал всеми юридическими и экономическими правами.

В качестве вывода из нашего анализа можно констатировать, что в период ВКЛ сложилась достаточно благоприятная ситуация для развития диалогических отношений групп-контактёров в трёх основных сферах коммуникационного пространства (религия, язык, культура), причём, пусть и в начальной степени, но на юридической основе. Это содействовало гармонизации интересов всех этнокультурных групп и построению модели толерантных межгрупповых интеракций. В этом состоит уникальность ситуации на белорусских землях того периода: когда в целом в Европе разворачивались конфессиональные и этнические конфликты, то в ВКЛ они были частными, мелкими и считались противозаконными. Мы полагаем, что мультикультурная идентичность в рамках полиэтнической и поликонфессиональной общности обусловила дальнейшее формирование специфической белорусской коммуникационной модели по отношению к группам-контактёрам.

Список цитируемых источников

- 1 Краўцэвіч А. К. Наваградск і ўтварэнне Вялікага княства Літоўскага // Наваградскія чытанні / навук. рэд. В. Ф. Кушнер. Мінск: Хата, 1996. Вып. 4. С. 12—17. ; Беларусы: Вытокі і этнічнае развіццё / В. К. Бандарчык [і інш.], Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы. Мінск: Беларус. навука, 2001. 433 с. ; Ермаловіч М. І. Беларуская дзяржава Вялікае княства Літоўскае. Мінск: Беллітфонд, 2000. 448 с.

2. Копыцкий З. Ю. Экономическое развитие городов Белоруссии в XVI — первой половине XVII вв. Минск : Наука и техника, 1986. 192 с.
3. Вялікае княства Літоўскае : энцыкл. у 2 т. / рэдкал. Г. П. Пашкоў [і інш.]. Мінск : БелЭн, 2005. Т. 1. 688 с.
4. Копыцкий З. Ю. Экономическое развитие городов Белоруссии в XVI — первой половине XVII вв. С. 50
5. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 13. [Январь 1859 — февраль 1860] / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1959. 771 с.
6. Гісторыя Беларускай ССР : у 5 т. / АН БССР, Ін-т гісторыі, рэдкал.: І. М. Ігнаценка (старш.) Мінск : Навука і тэхніка, 1972. Т. 1 : Першабытна-абшчыны лад на тэрыторыі Беларусі. Эпоха феадалізму. 632 с. : іл.
7. Дубинский А. И. Заметки о языке литовских татар // Вопросы языкознания. 1972. № 1. С. 83—87.
8. Антонович А. К. Белорусские тексты, написанные арабским письмом, их графико-орфографическая система. Вильнюс : М+, 1998. 287 с.
9. Карский Е. Ф. Белорусы. Вильно, 1904. Т. 2, кн. 1. 210 с.
10. Статут Великого княжества Литовского 1529 года / АН БССР. Отд. прав. наук, под ред. К. И. Яблонского. Минск : Изд-во АН БССР, 1960. 251 с.
11. Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Литовское и Белорусское Полесье. репринт воспроизв. изд. 1882 г. Минск : БелЭн, 1993. 550 с.
12. Копыцкий З. Ю. Экономическое развитие городов Белоруссии в XVI — первой половине XVII вв. 192 с.
13. Ковкель И. И., Ярусик Э. С. История Беларуси с древнейших времен до нашего времени. Минск : Аверсэв, 2000. 592 с.

УДК 94 (476)

Ю. В. Черняк

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

О НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛОРУССКОГО ПОЛЕСЬЯ В 20—30-Е ГОДЫ XX ВЕКА

Первая мировая война разорила Полесье: огромное количество населённых пунктов было сожжено, а население бежало в глубь России. Только оккупация Полесья немцами и заключение немецко-украинского трактата 9 февраля 1918 года, на основании которого этот край оказался в границах Украинской Народной Республики, полностью изменяют политическую ситуацию. Украинские власти начали украинизацию Полесья, закладывая фундамент развития украинского национально-политического движения. Это движение первоначально было очень слабым и направлялось пришлыми элементами или лидерами немногочисленной местной интеллигенции, чаще всего российского происхождения.

После заключения Рижского мирного договора 1921 года Полесье окончательно оказалось в границах Речи Посполитой, а вскоре стало территорией борьбы отдельных политических партий: польских, белорусских и украинских. Здесь начали деятельность Польская партия социалистическая (далее — ППС), «Освобождение», Белорусский крестьянский союз, а также украинский «Селянский союз», который не был тогда ещё формально организованной партией. Деятельность ППС и «Освобождения» вызвала революционизацию умов уравновешенных по характеру полешуков, что в будущем использовали Коммунистическая партия Западной Белоруссии (далее — КПЗБ) и Коммунистическая партия Западной Украины (далее — КПЗУ), полностью вытеснив с территории Полесья вышеупомянутые польские партии.

Генеральное сражение между этими партиями разыгралось во время предвыборной акции в Сейм в 1922 году. В итоге ППС получила 4 мандата, «Освобождение» — 2, а Блок национальных меньшинств — 4, из которых 1 мандат получил белорус (Фабриан Яремич), 1 — еврей, 2 — украинцы (Сергей Хруцкий и Василий Дмитриюк) [1, с. 2]. Такой итог выборов был заметным успехом для украинцев. Он подтверждал их претензии на Полесье как украинскую область и создавал основы для дальнейшей политической и культурной деятельности на данной территории.

В середине 1924 года происходит консолидация сторонников «Селянского союза», а 17 августа этого же года созывается партийный съезд в Хэлме, положивший начало формальному существованию партии, придав ей организационные формы и определив тактику действия. Затем проходят съезды в отдельных окружных и районных центрах. На Полесье прошли два таких съезда: в Кобрине и Дрогичине (сентябрь — ноябрь 1924 года) [2, л. 7].

В результате организационной деятельности «Селянского союза» были созданы два окружных комитета этой партии в Кобрине и Дрогичине и несколько десятков сельских комитетов в Брестском, Кобринском, Дрогичинском и Пинском районах [3, с. 277].

В конце 1924 года на Полесье начало проникать влияние организованной в Вольни «Украинской народной партии» (ранее «Независимых социалистов»), вокруг которой сгруппировались ветераны атамана Петлюры во главе с Владимиром Оскилкой. Однако эта партия не смогла приобрести сторонников на территории Полесья, она распалась через неполных два года после убийства Оскилки. Также не имела успеха здесь деятельность Украинского народно-демократического объединения, начатая во второй половине 1925 года. Кроме создания главного управления «Просвита на Полесье», «Украинбанка» в Бресте, нескольких украинских кооперативов в Брестском и Кобринских районах, ничего больше не получилось.